

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

НЕВЕСТА ВЕЧНОСТИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Оформление серии *С. Курбатов*

Редактор серии *А. Антонова*

Литературный агент *Ольга Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Невеста вечности : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Большие тайны маленьких городов).

ISBN 978-5-04-154857-5

Часовня утопала в белых цветах. У стен похоронные венки. На полу разбросаны увядшие розы и лилии. И будто мираж на фоне стены, постамент из черного полированного дерева. А на нем скелет в подвенечном белом платье, украшенный золотом — десятки цепочек, перстни, браслеты, часы на костлявых руках... Череп с пустыми глазницами... Коса в руке, лишенной плоти. В первое мгновение, увидев эту странную фигуру, капитан полиции Екатерина Петровская подумала: это какой-то фокус, перформанс... Но потом дикая тревога сжала ей сердце. Голова закружилась от духоты, от запаха мертвых цветов, от горячего воска. Чтобы не упасть, она вцепилась в руку следователя Страшила. Куда завело их такое, казалось бы, простое дело об убийстве пенсионера Ильи Уфимцева?.. Что же произошло в доме старика Уфимцева, бывшего партийного функционера, читавшего на склоне лет Библию и общавшегося с монахинями ближайшего монастыря?..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2021

© Оформление.

ISBN 978-5-04-154857-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

ЛИШЕННОЕ ПЛОТИ

2 августа 1982

Зной... небывалый зной... День такой жаркий, что, кажется, асфальт плавится под ногами. На автобусной остановке совсем нет тени. И автобуса тоже нет, а время не ждет.

Майор ОБХСС Надежда Крылова редко носила форму — специфика работы такая в службе отдела по борьбе с хищениями, что лучше одеваться в штатское. Вот и сейчас на ней яркий цветастый сарафан. Чем не дачница, отправившаяся в такую жару, в самое пекло, на автобусе бог весть куда по каким-то делам.

Дела были такие, что ни ждать, ни медлить не могли.

Солнце жарило немилосердно, и кожа на плечах сильно покраснела, начала гореть. Покраснели щеки и лоб. Надежда Крылова пожалела, что не надела на голову панаму. Хотя на ответственное служебное задание — и в пляжной панаме... Но сейчас она была готова накинуть на голову что угодно — носовой платок, завязанный «уголками», сделанный из газеты «кораблик», который почему-то так любят работяги-маляры.

От яркого солнца хотелось закрыть глаза. Она забыла свои дешевые солнечные очки в ящике стола в кабинете. Она ведь собиралась идти на обед в заводскую столовую, как вдруг произошло то, чего она так

долго ждала. Ради чего и была откомандирована из министерства сюда, в Подмоскovie, в местный ОВД.

Агент Целковый — таков был его оперативный псевдоним, глуповатый, но весьма точно характеризующий этого типа, — подошел к ней среди бела дня на нарушение всех правил на улице и сказал, что он только что узнал... «Сегодня в Каблуково... хотят ставить клейма на всю партию. Там подпольный цех. Курьер со всей партией приедет на своей машине. Говорят, везет два чемодана. Клейма будут ставить всю ночь. Это работа ювелирная».

Надежда Крылова, забыв про обед, сразу повернула назад — первым делом в дежурную часть срочно попросить машину до Каблуково.

Однако дежурный ответил отказом — какая машина, все на выезде, у нас кража в микрорайоне и еще две машины задействованы на охране порядка, сегодня же День ВДВ, сами понимаете — выпивать будут сильно, гулять допоздна и в речке Соловьевке купаться.

Тогда она решила зайти к замначальника ОВД, но тот, по словам дежурного, тоже только что уехал обедать.

Молодой дежурный смотрел на нее с прищуром, с любопытством — надо же, какая делопутка из министерства. Зачем-то к нам в ОБХСС откомандирована, с местными сотрудниками никаких контактов не поддерживает, все молчком да тишком. И внешне, прости господи, квашня квашней. Толстая, бока висят, ноги в нелепых детских белых носках и сандалиях отекли, волосы крашенные, на висках и на лбу капли пота. Дышит вон как тяжело, словно запаленная лошадь. Разве это майор полиции? Это тетка, право слово — распаренная жарой тетка, которая кажется чем-то сильно встревоженной и...

— Передайте замначальника ОВД, что я в Каблуково. Не забудьте, сразу же скажите ему, как он вер-

нется с обеда. Пусть никуда не отлучается из отдела. Я позвоню с места.

Дежурный кивнул — конечно, передам, а про себя хмыкнул: звони, если в Каблуково телефонную будку найдешь. Там фабричные корпуса. Если только с проходной.

Надежда Крылова быстро пошла к остановке автобуса, прося у судьбы лишь одного — чтобы автобус пришел сразу. Но этого не случилось.

И вот уже сорок минут она стояла на самой жаре. Она чувствовала, что воздух, который она вдыхала, обжигал, пек ее изнутри. В виске слева появилась ноющая боль.

И тут, наконец, из августовского марева выплыл желтый «Икарус». Крылова тяжело залезла в него. Все, кто там был из пассажиров, предусмотрительно заняли места с теневой стороны. Надежда Крылова хотела сесть, но сиденье оказалось таким горячим, а в окно так жестко и страшно палило солнце, что она встала. И уцепилась за поручни.

И в эту минуту в глазах ее потемнело.

А когда тьма почти рассеялась, она увидела рядом со своей рукой на поручнях нечто — руку, лишенную плоти, кости скелета, унизанные тяжелыми золотыми перстнями, украшенные золотыми браслетами, словно наручниками, словно кандалами...

И пожелтевший лоскут белых подвенечных кружев...

И мертвый оскал...

Лицо, лишенное плоти...

И много, много, много золотых ожерелий, бус и монист на мертвых костях.

Видение... нет, галлюцинация, столь отчетливая и яркая...

Надежда Крылова судорожно вздохнула, ей показалось, что легкие отказываются принимать воздух, но нет...

Мгновение — и все прошло. Она дышит. На поручне автобуса только ее рука, ее кисть, судорожно вцепившаяся в металл. И никакой галлюцинации.

Это все зной. Жара.

Жара...

Это все жара...

Мне плохо от этой жары...

Автобус трясет...

Скоро Каблуково. Надо выходить.

Через десять минут она вышла. Остановку от фабричных корпусов отделяла лесополоса. В стороне — железнодорожная станция и склады.

Промзона. Место пустынное и уединенное. Здесь только утром и вечером — перед сменой и после смены — народ спешит на автобус и на электричку.

Агент Целковый обозначил место. Надо лишь туда пройти и понаблюдать — когда подъедет машина с курьером и чемоданы с товаром занесут внутрь, нужно бежать на проходную и звонить в ОВД, чтобы приехали оперативную группу.

Целковый правильно сказал: ставить клейма — работа ювелирная. С этим они надолго тут увязнут. И как только из ОВД приедет опергруппа, их всех возьмут с поличным. Цеховиков... курьера с чемоданами товара.

Она шла через лесополосу к цехам. И радовалась лишь одному — тут тень. Тут, под деревьями, тень. Но вот деревья кончились. Началась растрескавшаяся старая заводская бетонка.

Надежда Крылова шла и... ох, сколько раз она давала себе слово похудеть. Этот вес, этот жир... она ненавидела и проклинала его сейчас, она чувствовала, что каждый лишний килограмм, словно тяжелый неподъемный камень, давит и душит... Она же не карга старая, ей всего-то сорок лет, но что же так давит и гнетет... ноги точно свинцом налитые, и это солнце, это ужасное огненное бельмо там... там...

Она увидела бежевую «Волгу», стоявшую возле железных ворот третьего цеха. Высокий спортивного вида молодой мужчина в джинсах и белой тенниске выгружал из багажника чемоданы. Не два, а больше.

Он обернулся, и Надежда Крылова поняла, что знает его — он проходил по оперативной картотеке. Он проходил по материалам агентурной разработки и...

Еще можно было прикинуться этакой «дачницей», местной кошелкой, отправившейся по самому пеклу неизвестно по каким делам неизвестно куда и очутившейся в месте, о котором знать посторонним не следовало.

Надежда Крылова двинулась вперед прямо к «Волге». Мужчина в тенниске медленно закрыл багажник. Он весь напрягся.

И в это мгновение словно что-то легко и одновременно упруго толкнуло Надежду Крылову в грудь с левой стороны. Сначала жжение, потом острая боль... Она даже не поняла, что случилось.

Последнее, что она ощутила, это *то самое* — *лишенное плоти, галлюцинация или явь... звон золотых монист... запах тлена...*

Боль в груди стала нестерпимой. А потом она разом прекратилась. Все, все оборвалось. Ни боли, ни страха, ни плоти, ни золота — только тьма.

Глава 2

ОСТРОВ УЕДИНЕНИЯ

Наши дни

Цени каждый день, посланный тебе, цени каждый новый день, что живешь. Это — сокровище невозполнимое, это редкий подарок. Цени и наслаждайся по мере сил, если есть еще в тебе способность к наслаждению, потому что каждому положен свой срок. И впереди только старость и смерть.

Илья Ильич Уфимцев тяжело, с усилием, поднялся с кресла, где читал и размышлял, как обычно после завтрака, и подошел к окну. Дождь за окном — октябрьский дождь, унылый, как слезы.

В комнате горела настольная лампа, и свет ее, желтый и тусклый, резко контрастировал с дневными дождливыми сумерками. Илья Ильич постоял у окна, глядя на мокрый, залитый водой сад — золото и багрянец листвы, запертая калитка, заваленная палыми листьями садовая дорожка. В свои бодрые дни он еще брал в руки грабли и убирался в саду. Но сейчас эта октябрьская сырость доконала его — к семидесяти семи годам собран целый букет хронических болезней. Артрит всегда обострялся и мучил его осенью и весной.

Илья Ильич медленно поплелся на кухню. Открыл холодильник, достал мазь для коленок и потом поискал на кухонной стойке баночку с таблетками — столько лекарств, столько лекарств куплено. Он уж начал путаться в них — какие от чего, и каждый раз давал себе слово завести отдельный блокнот с подробным описанием, какие таблетки когда и от чего принимать.

Но затем наступали бодрые дни, когда хорошее самочувствие к нему возвращалось, и он забывал о фармацевтическом блокноте. Честно говоря, он ненавидел таблетки. Да и врачей тоже. Они ничего не понимали. По его мнению, они все бестолочи и трючники.

Но сегодня он принял лекарство, чтобы боль в суставах не грызла его так зло.

И снова вперился в залитое дождем кухонное окно.
Хоть бы кто-нибудь пришел.

Или хотя бы позвонил.

Одиночество...

Сейчас... вот сегодня он почти физически ощущал на себе его груз.

А ведь были времена в его жизни, когда он мечтал об уединении и покое. Всю жизнь он только работал. Постоянно занят. После похорон жены, которая умерла рано, когда сын еще учился на первом курсе, дом вообще как-то внутренне зачах, хотя внешне продолжал оставаться полной чашей.

Как давно все это было — целая вечность прошла с тех пор. И сын уже взрослый, дипломат, постоянно живет за границей.

И внучка там, в Москве...

Она не приезжает сюда. Они не виделись с ней очень давно.

Илья Ильич выпрямился. Эх... Когда долго вот так сидишь в ненастные дни дома, превращаешься в сущую развалину. Болезни, старость, одиночество... Это же не только его проблемы. У всех пожилых так. Он вдовец, да, он одинокий, старый и хворый. Но на людях...

Да, хотя бы вот тут, в их коттеджном поселке «Маяк», — когда он идет в магазин или просто совершает прогулку медленно и чинно до самой реки, — он всегда старается держаться молодцом. Высокий, худощавый, слегка сутулый, очень импозантный старик. Он всегда помнит о том, что на людях надо выглядеть пусть и не на все сто, но хотя бы на семьдесят семь. У него все есть, у него неплохая пенсия, у него хороший сын на престижной работе, у их семьи — немалые деньги. А у него есть этот замечательный двухэтажный коттедж, тут, в поселке «Маяк», где живут люди, скажем так — не самые последние в государстве, пусть и «с прошлых времен».

И главное — он не брошен, о нем заботятся.

Ему оказывают поддержку, как в бытовом, так и в духовном плане.

А это и есть самое важное.

Не надо думать о том, сколько еще осталось жить... Это деструктивные, это контрпродуктивные мысли.

Такие словечки любили когда-то выдавать в кругах, в которых он работал и общался. Эти слова хорошо применять в отношении политики или бюрократических интриг. А вот в отношении приближающегося твоего смертного часа, конца пути...

Нет, нет, нет, контрпродуктивно так думать — сколько еще отпущено тебе прожить. Но не думать об этом тоже невозможно. Потому что одиночество и старость, болезни и страх — это все там, глубоко внутри.

И даже эта толстая книга, которую он читает по совету умных верующих людей, не дает ответов. Он, Илья Ильич, в своей жизни всегда хотел и добивался конкретных и ясных ответов на конкретно поставленные вопросы о конкретных, пусть и трудновыполнимых целях. Но сейчас таких ответов он не получает. Все как-то смутно, размыто, на грани.

Они толкуют о необходимости веры. Лишь вера якобы даст ответ. И эта толстая книга.

Шаркая ногами, Илья Ильич снова вернулся в кресло под свет желтой настольной лампы.

Книга эта Библия. И надо признаться, что читает он ее порой с великим интересом. Пусть не все там и понятно.

Эти разговоры, когда они обсуждают прочитанное... Он слушает. По роду своей прежней деятельности он привык внимательно и очень вьедливо слушать людей, но решал, как трактовать их слова, намерения и поступки, всегда сам. Но тут эти разговоры о духовном после чтения Библии...

Илья Ильич скользнул взглядом по стеллажам с книгами в комнате. Сколько томов... Всю свою библиотеку из московской квартиры он свез сюда, в коттедж. А квартиру без книг оставил ей, внучке. Она этих книг никогда не прочтет. Он, правда, тоже не читал особо, но... эта библиотека всегда создавала настроение. Особенно полки с мемуарами. Многих, которые писали эти мемуары, он помнил и знал.

Но сейчас из всех книг его интересовала лишь эта одна. Илья Ильич уселся поудобнее в кресле, накрыл колени пледом и пролистал Библию.

Пророк Иезекииль, стих двадцать третий. Сестры Огола и Оголива, принадлежавшие Господу, но не оставшиеся ему верными.

Читая, он улыбался — *они* смущались, когда он затевал обсуждение двадцать третьего стиха. Они смущались и говорили — что вы, право, Илья Ильич. Женщины, они всего лишь женщины, хоть и в монашеской одежде.

Скользя взглядом по строчкам, он чутко прислушивался к шуму дождя — не раздастся ли звонок или чей-то голос окликнет с улицы, прося открыть калитку.

Нет, пожалуй, в дожде и не услышишь, а то еще и задремлешь тут в кресле. Звонок в дверь громкий, он разбудит, а вот насчет калитки...

Илья Ильич встал, решительно накиннул куртку, сунул ноги в разношенные кроссовки без шнурков с открытой «липучкой», взял зонт и вышел из дома под дождь.

Он добрал до калитки и открыл щеколду. Лишь набросил сверху на створ калитки и забора специальное железное кольцо, так что все его гости могли бы открыть калитку самостоятельно и зайти в сад, чтобы уже из сада позвонить в дверь. Так он поступал и раньше. Это был своеобразный знак гостеприимства. И одновременно знак боязни одиночества.

Если что-то, не дай бог, случится — сердечный приступ там или удар... Те, кто о нем заботятся, да и вообще соседи, люди придут... найдут, помогут, вызовут «Скорую помощь». В его возрасте в таком доме нельзя забаррикадироваться, нельзя запирается на все замки.

Боязнь воров и грабителей — это одно. Но боязнь внезапного ухудшения самочувствия, боязнь смерти — это другое. Тут уж надо выбирать.

Дождь начал понемножку стихать. Небо над поселком «Маяк», утопающим в золоте и багрянце подмосковной осени, постепенно светлело.

Глава 3 СТРАШИЛИН

Глазунья из трех яиц шкворчала на сковородке, пузырилась, плевалась жиром бекона, дразнила обоняние, но, увы, не радовала глаз. Вся какая-то косая, съехавшая набок.

Андрей Аркадьевич Страшилин убавил огонь на плите и тоскливым взором окинул кухню. Бардак...

После ухода супруги он ощущал себя на кухне в процессе готовки обеда или ужина словно на горячих углях. Вещи, которых прежде он в упор не замечал, считая само собой разумеющимися и обыденными, внезапно превращались в чудеса с норовом и собственным непредсказуемым вектором поведения: молоко скисало, спагетти отчего-то не желали помещаться ни в одну из кастрюль и торчали, как спицы, из кипятка. Мясо, когда он его пытался жарить на гриле, превращалось в черный шмат не пойми чего. Духовка раскалялась, как домна. Жир постоянно заляпывал всю варочную поверхность и столешницу, и обычным туалетным мылом отмыть его было невозможно. Приходилось тащиться в хозяйственный за моющим средством. Каким?? Посудомойка выдавала после сеанса посуду не идеально чистой — например, в чашках внутри сохранялся темный налет от чая и кофе.

Яичница опять подгорела — мать ее за ногу!

Сотовый звонил.

Попугай Палыч, лысый, старый и вредный, орал, сидя на кухонном шкафу: «Не в свои сани не садись!!!»

— Не вопи под руку!

— Андрюююююююшаааа!! Кррррасавец!

— Умолкни ты.

— Не в свои сани не садись!!

У попугая Палыча мозгов в крохотной башке было, наверное, столько же, сколько и у некоторых обвиняемых и подозреваемых, а также и свидетелей, которых Андрей Страшилин повидал за свою жизнь. Но вредности и стеба у попугая, а также едкого юмора было несомненно больше.

— Машка придет, заберет тебя к себе, старый предатель, — объявил попугаю Страшилин и неловким жестом перекинул яичницу со сковородки на тарелку.

Дочь Маша полгода как вышла замуж за хорошего парня и теперь, обзаведясь собственной семьей, в дела отца и матери, находящихся в разводе, не вникала принципиально. Однако попугая Палыча она пообещала забрать.

Страшилин утер пот со лба кухонным полотенцем, снял очки. Решил даже умыться тут же, на кухне, из-под крана над мойкой. Массивный, полный, двигался он по маленькой кухне как слон в посудной лавке, постоянно что-то задевая и роняя на пол — то ложку, то нож, то деревянную мешалку, а то и тарелку — бац! Вдребезги!

Он сел за стол и глянул на часы — к счастью, сегодня выходной, а насчет времени уже и не поймешь, что это у него — завтрак или обед. Два часа потратить на то, чтобы зажарить простую яичницу! Как жена все успевала? Как она со всем управлялась — с готовкой, посудомойкой, стиральной машиной, походами по магазинам, постоянным просмотром кулинарных и музыкальных передач по телевизору и бесконечной болтовней с приятельницами?

Он подцепил вилкой твердый, как щепка, кусок пережаренного бекона. Попугай Палыч шумно слетел с холодильника и приземлился прямо на стол. Заплясал на коротеньких лапках:

— Палыч хочет мыться!

— Обойдешься, — отрезал Страшилин. Потом встал, открыл холодильник, достал из контейнера абрикос и порезал его на дольки. Привередливый Палыч обожал, когда его кормили фруктами с рук.

— Опять где-то нажжжжжжжрррррался!!

Попугай проскрипел это голосом жены. И чуть не подавился абрикосом. От этого упрека Страшилин почувствовал, что теряет аппетит. Ну вот... Жены с ним больше нет, а все ее претензии, склоки и скандалы, как призрак, все еще витают по квартире.

Жена обвиняла его беспочвенно... нет, «почвенно», конечно, они же всегда во всем правы, эти «бывшие». Жена обвиняла его в пьянстве, в постоянном отсутствии дома (как будто он гулял или прохлаждался где-то!), в игнорировании интересов семьи и ее, жениных, нужд и чаяний. Она обвиняла его в невнимательности. И еще в двадцати двух смертных грехах.

Жена обвиняла его, как прокурор. А изменила ему с судьей. Вот правда жизни. Вот ирония судьбы. С судьей Высшего арбитражного суда — вдовцом почтенным, старше себя на двенадцать лет, жена Страшилина познакомилась в Сочи, когда поехала туда на отдых с подругами. Страшилин, как всегда, зашивался с очередным расследованием и не мог позволить себе отпуска в бархатный сезон.

И сейчас они уже развелись и делили имущество.

Попугая Палыча обещала забрать дочь, которой на их развод было наплевать.

Палыч, танцуя на лапках, подкрался близко и нежно ущипнул Страшилина за палец.

— Андрррррррюююююююшааа...

Страшилин почесал попугаю лысую «маковку», потянулся за пачкой сигарет и закурил. Потом достал из холодильника банку пива.

Что ж... в разводе, в новой его холостяцкой жизни есть и светлые стороны. Например, теперь можно ды-

мить сигаретами прямо на кухне, а не бежать каждый раз, как вор, на лоджию. И пить можно...

Он открыл банку с пивом. Ледяная горькая влага... Не тот ли вкус у напитка забвения?

Глава 4

ХИКИКОМОРИ

Леночка — внучка Ильи Ильича Уфимцева — жила одна в большой четырехкомнатной квартире на Трубной площади. Квартира, покрытая пылью, напоминала склеп, но Леночку это волновало мало.

День Леночки начинался когда как — когда очень рано, часов в шесть утра, а когда и в два часа дня. Все зависело от того, хочет или не хочет она покидать постель, вставать и тихо слоняться по просторной, гулкой, набитой вещами квартире.

Леночка не слишком вдавалась во всякие там подробности, но знала, что она — хикикомори. Это слово такое японское из Интернета, обозначающее молодых затворников в четырех стенах. Леночка на пороге своего двадцатипятилетия не любила японские термины, но любила японский зеленый чай и суши.

Все это она заказывала по Интернету. А также многое другое — продукты, бакалею, пиццу, фильмы — сплошные новинки, товары для дома, спортивную одежду и обувь — иной она уже не признавала, и многое, многое другое.

В жизни не так уж много и нужно. Если все время сидеть в четырех стенах своей старой семейной квартиры, потребности как-то снижаются. Например, напроць из перечня необходимого вылетает косметика... А также модные тряпки... В салон красоты не пойдешь, об этом даже муторно думать. И густые длинные волосы растут сами собой, их незачем стричь. Когда летом жарко, можно собрать их в хвост резинкой и сесть под прохладный кондиционер в гостиной.

Затворников-хикикомори содержат родители. Так случилось и с Леночкой. Отец регулярно снабжал ее деньгами, раз в несколько месяцев клал на карту крупные суммы. Отца своего Леночка воспринимала нейтрально. Он всегда был далеко, в отъезде, за границей. Леночка рано лишилась матери, и ее фактически в детстве воспитывал дед Илья Ильич, потому что отец в то время работал на Ближнем Востоке в дипломатической миссии и постоянно решал какие-то сложные ближневосточные проблемы, забывая порой даже звонить в Москву.

Но потом Леночка выросла и решила жить по-своему. И какое-то время жила так. Затем грянул тот скандал в их семействе, и все изменилось.

С дедом они не виделись очень давно. Он уехал жить в их загородный дом, оставив квартиру в распоряжении Леночки.

Время шло... Сначала очень быстро, весело, в постоянном движении, потом появилось ощущение пустоты и разочарования в том, что казалось таким милым и правильным, затем грянули стрессы...

Надо же, ее парень Женька, с которым они жили так классно и планировали создать семью, оказывается, все то время обманывал Леночку с ее приятельницей, а потом и женился...

Ее даже в насмешку пригласили на свадьбу. Но она не пошла к ним. Она закрыла дверь квартиры на два замка и цепочку. И с этого момента стала этим самым хикикомори. Затворницей — на которую с любопытством и жалостью косились соседи по их престижному дому в центре столицы.

Внешний мир, а также погоду и цвет неба Леночка наблюдала теперь из окон своей квартиры.

Внешний мир ограничивался крышами соседних домов — банков, особняков, театра на Трубной площади. Звуки большого города она слышала, когда от-

крывала окно, и они ей не нравились — уличный шум, много машин.

Погода — вещь вообще непостоянная. Смена сезонов уже не имела большого значения для Леночки: зима так зима, что ж... потом весна, лето.

Она заваривала себе зеленый чай в глиняный чайник и тупо смотрела, как падают снежинки за окном или, как вот сейчас, листья на городских тополях желтеют и жухнут. Как идет дождь в октябре.

Квартира покрывалась толстым слоем пыли и захламлялась — коробки от заказов по Интернету Леночка складывала на обе лоджии. Она помнила, что в доме есть пылесос, но никогда его не доставала. Стирала, правда, в стиральной машине — свое белье и постельное. А также поливала комнатные цветы и даже подкармливала их удобрениями, заказанными опять же через Интернет.

Нет, она не скучала в своем добровольном заключении — часто всю ночь смотрела телевизор и фильмы DVD, а также сутками торчала в Интернете. Иногда в соцсетях, но мало общалась сама, больше читала чужие комментарии и разглядывала фотки.

Мир там... там, снаружи, представлялся таким неправильным, таким несовершенным. Леночка ни в чем не видела смысла — работа... зачем ей работать? Путешествовать... это сложно, утомительно и опасно, можно все посмотреть в Интернете, что нужно.

А впрочем, ничего не нужно...

Выходила на улицу она очень редко и лишь затем, чтобы сходить в банк обналичить деньги с карточки или купить что-то в магазине, чего нельзя было заказать по Интернету.

Каждый раз она ощущала, что выйти из квартиры трудно. Она надевала худи, натягивала на голову капюшон, накидывала куртку. К банкомату вообще старалась ходить вечером или в сумерках. А в магазин рано утром — к открытию. Когда совсем мало народа.

Три месяца назад отец ее приезжал в отпуск из-за границы, и когда он переступил порог квартиры на Трубной, то испытал настоящий шок. Весь свой отпуск он провел с Леночкой, уговаривая ее образумиться. Взять себя в руки и не жить — вот так.

Леночка на это возражала — папа, я ведь жила по-другому, помнишь? Но тебе это тоже не нравилось. А дед... ты же помнишь, что тогда случилось в нашей семье... и с дедом, и со мной... Ты говорил, что это позорно и недостойно. Ты рвал и метал. Ты кричал на меня... Ты же помнишь, не забыл. И вот я стала жить по-другому — теперь вот так. И что же, тебе опять это не по вкусу?

Отпуск кончился, и отец уехал, дипломатическая служба не ждет и не прощает слабостей и сантиментов.

Но все эти месяцы он регулярно звонил, требуя, чтобы Леночка стала ходить на занятия к известному столичному психологу, которого он ей нанял для тренинга. Леночка не пошла ни на один из сеансов. И тогда отец пригрозил лишить ее денежного содержания: надо же как-то на тебя влиять! Ты деградируешь как личность!

Деградирую как личность...

Леночка смотрела на осеннее октябрьское небо и пила теплый зеленый чай. Она не воспринимала слова отца оттуда, из заграничного далека, всерьез.

Однако, когда она однажды вечером выскользнула из дома к банкомату обналичить карточку, банкомат показал, что на карте — лишь остаток, деньги от отца не пришли.

Леночка вернулась домой и, не раздеваясь, прямо в куртке и кроссовках легла на диван.

Она смотрела в серый потолок на хрустальную люстру, покрытую пылью.

Хикикорми не делают ничего, их всегда кто-то содержит — родители или родственники. Это необходи-